

Е.А. Мосакова

**РОЖДАЕМОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА
(НА ПРИМЕРЕ СТРАН СНГ И БРИКС)**

Аннотация. В условиях неравномерного воспроизводства населения проблема повышения уровня рождаемости является одной из глобальных проблем человечества. В статье исследуется только один аспект этой проблемы, а именно – влияние гендерного неравенства на уровень рождаемости на примере стран СНГ и БРИКС, членом которых является Россия.

Ключевые слова: рынок труда, рождаемость, женщины, индекс гендерного неравенства, суммарный коэффициент рождаемости, семейная занятость, профессиональная занятость, дискриминация, СНГ, БРИКС.

Мосакова Елизавета Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: lizavetam@mail.ru

E.A. Mosakova. Birth Rate and Gender Inequality (The Case of CIS and BRICS Countries)

Abstract. Taking into account that population is reproduced unevenly as a result of significant differences in birth rates in different countries and regions of the global world, the problem of birth rate is one of the global problems. This article focuses on one aspect of this problem – the impact of gender inequality on birth rate in case of CIS and BRICS, where Russia is a member country.

Keywords: labor market, fertility, women, global gender gap index, total fertility rate, family employment, occupational employment, discrimination, CIS countries, BRICS.

Mosakova Elizaveta Alexandrovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Global process, UNESCO chair on global problems and emerging social and ethical challenges for large cities and their population chair. E-mail: lizavetam@mail.ru

В большинстве современных развитых стран мира рождаемость уже не одно десятилетие находится ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения. В развивающихся странах в последние десятилетия также сформировалась устойчивая тенденция к снижению рождаемости до уровня простого воспроизводства. Соответственно, проблема повышения уровня рождаемости становится одной из первоочередных в политической повестке государств и мировых сообществ. В исследовании затрагивается только один аспект проблемы повышения уровня рождаемости – рождаемость в контексте гендерной дискриминации на рынке труда.

В современных исследованиях выделяют три основные группы факторов, влияющих на уровень рождаемости, – макроуровень, к факторам которого относится рынок труда, его структурные особенности, гендерное неравенство в экономической сфере, микроуровень (уровень семьи, включающий в себя условия жизни семьи, социально-демографические характеристики женщины, ее доход) и система ценностных ориентаций, отражающая иерархию ценностей, потребностей индивида, степень значимости для женщины детей и работы [1, с. 81; 2, с. 8; 6, с. 75–85]. Однако механизм влияния женской занятости на рынке труда на уровень рождаемости крайне сложен ввиду действия целого комплекса неоднородных факторов.

Впервые исследование влияния профессиональной занятости женщин на уровень рождаемости было проведено в середине XX в. А. Мирдалом и У. Клейном [21]. Однако различия в уровнях рождаемости в зависимости от факта занятости женщины на рынке труда в развитых странах мира эмпирически были доказаны только два десятилетия спустя Р. Андоркой и С. Ллойдом [15, р. 144–161, 20].

Сегодня уже научно доказано, что до начала демографического перехода в области рождаемости (классическая теория демографического перехода, разработанная в 40–50-е годы XX в. Ф. Ноутстайном и описывающая эволюцию демографических процессов в долгосрочной перспективе: переход от традиционного типа воспроизводства, с характерными для него высокими уровнями рождаемости и смертности, к современному типу с низкими уровнями рождаемости и смертности) в большинстве развитых стран мира занятость женщин на рынке труда и уровень рождаемости имели обратную зависимость. Эти уровни изменялись в противоположных направлениях [6, с. 75–85; 13, р. 668; 14, р. 930; 22].

Однако отдельные исследования, посвященные европейским странам, показали, что «высокая занятость соответствует высокой рождаемости. Возникающие трудности (“второй рабочий день”, недостаток времени) определяются как “барьер” рождаемости» [16, р. 65].

После завершения демографического перехода в области рождаемости (по окончании перехода населения к типу воспроизводства населения с низ-

кими уровнями рождаемости и смертности) в развитых странах мира занятость женщин на рынке труда и уровень рождаемости имели уже прямую зависимость – уровни рождаемости и экономической занятости женщин изменялись в одном направлении [6, с. 75–85; 13, р. 668; 14, р. 930; 22].

Аналогичные исследования, проведенные для России в конце XX в., показывают, как правило, отсутствие какой-либо зависимости между рождаемостью и занятостью на рынке труда. В частности, об этом свидетельствуют итоги микропереписи населения России, проведенной в 1994 г. [17, р. 211–233; 18, р. 233–262]. Однако более поздние исследования выявляют наличие прямой зависимости между рождаемостью и занятостью женщин – как это происходит в большинстве развитых стран мира [6, с. 75–85; 7, с. 171–216, с. 421–476].

Важно отметить, что влияние экономической занятости женщин на вероятность рождения ребенка в значительной степени определяется очередностью рожденного ребенка. Современные исследования в области репродуктивного поведения показывают, что первый ребенок в семье рождается при любых обстоятельствах, в том числе и вне зависимости от факта занятости женщины на рынке труда; на рождение второго и каждого последующего ребенка в семье влияет определенный комплекс факторов, строго соответствующих рождению ребенка именно данной очередности.

Об этом пишут в своих исследованиях, например, Г. Андерссон, К. Скотт, Б. Хоем относительно Швеции; Е.А. Мосакова – относительно России [6, с. 75–85; 14, р. 930; 17, р. 101–120].

К числу важнейших факторов рождаемости также относится и гендерная дискриминация на рынке труда. Современные исследования в области рождаемости и репродуктивного поведения, проведенные в европейских странах с низким уровнем рождаемости, выявляют наиболее сильную положительную зависимость между вероятностью рождения второго ребенка и политической гендерного равенства [5, с. 56–61; 14, р. 668].

Почему же гендерное неравенство в сфере современных трудовых отношений выступает фактором, во многом определяющим уровень рождаемости?

Во многом это объясняется современными условиями занятости на глобальном рынке труда.

Во-первых, ранее занятость на рынке труда выступала средством существования и выживания для человека. Сегодня же в условиях глобального мира сформировалось общество, в котором профессиональная деятельность выступает основной сферой жизни как мужчин, так и женщин [3; 4]. Соответственно, женщины стремятся стать полноценными участниками рынка труда, иметь равные права и возможности с мужчинами, эффективно совмещать семейную и профессиональную занятость.

Во-вторых, произошел значительный рост уровня мобильности работника, под которой понимается не только территориальная мобильность (возможность географической смены места жительства и места работы), но и профессиональная мобильность – возможность смены профессии и характера работы. Это позволяет женщинам находить более комфортные условия и формы занятости.

В-третьих, в результате активного внедрения и развития информационных технологий происходит формирование новой глобальной экономической среды. В частности, появляются такие гибкие формы занятости, как интернет-занятость (удаленная работа), работа на дому, самозанятость и фриланс, которые очень близки по своей сути, однако отличаются характером требований к работнику и оформлением трудовых отношений.

Наиболее ярким примером интернет-занятости является сфера IT-технологий, которая в силу своей специфики дает женщинам возможность работать дистанционно. Кроме того, IT-работники являются преимущественно представителями молодых возрастных групп, как правило, 20–35 лет, которые в наименьшей степени подвержены гендерным стереотипам.

Отметим, что еще в 1980-е годы американский исследователь Э. Тоффлер [12, с. 250–275] в своей книге «Третья волна»¹ в качестве одного из элементов «третьей волны» развития цивилизации выделял структурные изменения, в том числе в сфере трудовых отношений. Автор отмечал, что в силу активного развития информационно-коммуникативных технологий работники во всем мире смогут перейти со своих рабочих мест на заводах и в офисах на более удобные и комфортные рабочие места.

Таким образом, интернет-занятость предоставляет женщинам ряд дополнительных возможностей: во-первых, иметь гибкий рабочий график и выбирать наиболее удобные формы занятости; во-вторых, иметь индивидуальный заработок; в-третьих, совмещать выполнение семейных и профессиональных обязанностей. Другими словами, интернет-занятость позволяет снизить степень гендерного неравенства на рынке труда.

Соответственно, достижение гендерного равенства на современном глобальном рынке труда, в первую очередь в развитых странах мира, предоставляет женщинам дополнительные возможности для совмещения профессиональной и семейной занятости. Так, в странах, в которых достигнут более

---

1. Исследователь выделял в развитии человечества три волны цивилизации – сельскохозяйственную, индустриальную и третью, которую он называл информационной. У каждой цивилизации есть свой основной ресурс, который во многом определяет ее характер. Приход новой волны сопряжен с войнами и революциями.

Иногда эти волны называют технологическими, потому что в основе каждой из цивилизаций лежат свои особые технологии производства.

высокий уровень гендерного равенства на рынке труда, должны наблюдаться и более высокие показатели уровня рождаемости.

Рассмотрим данную закономерность на примере двух объединений, в состав которых входит и Российская Федерация. Это БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) и СНГ (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Российская Федерация, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан).

Уровень рождаемости будем измерять через суммарный коэффициент рождаемости (далее – СКР), структурной особенностью которого является элиминирование влияния половозрастной структуры населения. Степень гендерного неравенства на рынке труда – через Индекс гендерного неравенства (далее – ИГН), рассчитанный по методологии Всемирного экономического форума. Данный индекс отображает гендерный разрыв в сфере экономики, образования, здоровья, политики по каждой конкретной стране. Этот индекс измеряет именно разницу в показателях (субиндексах) между мужчинами и женщинами, а не уровень каждого из них по отдельности.

Ранжированный ряд стран объединения БРИКС в 2016 г. по значению СКР (по убыванию) выглядит следующим образом: ЮАР, Индия, Россия, Бразилия, Китай. По значению ИГН² (по убыванию) – ЮАР, Россия, Бразилия, Индия, Китай (табл. 1).

Таблица 1

**ИНДЕКС ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА (ИГН)
И СУММАРНЫЙ КОЭФФИЦИЕНТ РОЖДАЕМОСТИ
В СТРАНАХ БРИКС, 2016 г.³ [8, с. 109; 11; 23]**

Страна	ИГН	Рейтинг ИГН	ИГН (для экономической сферы)	Рейтинг ИГН (для экономической сферы)	СКР, детей на 1 женщину
ЮАР	0,764	15	0,677	63	2,49
Индия	0,683	87	0,408	136	2,45
Россия	0,691	75	0,722	41	1,762
Бразилия	0,687	79	0,640	91	1,760
Китай	0,676	99	0,656	81	1,6

Таким образом, на основании сравнения значений ИГН и СКР для объединения БРИКС в 2016 г. можно заключить, что между степенью гендерного

---

2. Было бы логично предположить, что аналогичная зависимость должна существовать между ИГН для экономической сферы и СКР. Однако для стран БРИКС в 2016 г. эта зависимость не выявляется (табл. 1).

3. Данные приводятся за 2016 г., так как на момент написания статьи официальные данные за 2017 г. еще не были опубликованы.

равенства в стране и уровне рождаемости существует прямая зависимость – в странах БРИКС более высокому уровню рождаемости соответствует более высокий уровень гендерного равенства в целом по стране.

Сравнительный анализ значений ИГН и СКР для стран СНГ в 2016 г. показывает отсутствие однозначной зависимости между степенью гендерного равенства в стране и уровнем рождаемости. Во многом это объясняется тем, что в состав СНГ входят страны, неоднородные по социально-экономическому развитию (развитые и развивающиеся), по религиозной принадлежности. Кроме того, регионы России также неоднородны как по социально-экономическому положению, так и по религиозному составу.

В странах СНГ, которые по географическому признаку относятся к Центральной Азии, между степенью гендерного неравенства и уровнем рождаемости выявляется обратная зависимость: более высокому уровню рождаемости соответствует более высокий уровень гендерного равенства в целом по стране (табл. 2) [8, с. 73–77].

Таблица 2

**ИНДЕКС ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА (ИГН)
И СУММАРНЫЙ КОЭФФИЦИЕНТ РОЖДАЕМОСТИ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ВХОДЯЩИХ В СОСТАВ СНГ,
И ГРАНИЧАЩИХ С НИМИ РЕГИОНАХ РОССИИ⁴, 2016 г. [8, с. 109; 11; 23]**

Страна	ИГН	Рей- тинг ИГН	ИГН (для экономи- ческой сферы)	Рейтинг ИГН (для экономи- ческой сферы)	СКР, детей на 1 женщину
Таджикистан	0,679	93	0,711	47	2,67
Кыргызстан	0,687	81	0,651	51	2,64
Казахстан	0,718	51	0,745	31	2,28
Россия (Южный ФО / Сибирский ФО / При- волжский ФО / Уральский ФО)	0,691	75	0,722	41	1,762 / 1,719 / 1,870 / 1,788 / 1,919

К числу наименее благополучных стран в области достижения гендерного равенства относятся, как правило, развивающиеся страны. Исключением не стали и страны СНГ, относящиеся к Центральной Азии. Отметим, что преимущественно это мусульманские страны, в которых в силу исторически сложившихся культурных и религиозных особенностей женщина не обладает личной свободой в семейных, экономических и политических вопросах [9; 10, с. 68–77].

4. Отметим, что для Туркменистана и Узбекистана расчет ИГН Всемирным экономическим форумом не производится, поэтому эти две страны из исследования исключены.

В Южном, Сибирском, Приволжском и Уральском федеральных округах значения СКР выше среднестатистического уровня по стране. Однако сравнительный анализ ИГН и СКР в этих федеральных округах со странами СНГ из Центральной Азии не позволяет выявить однозначную зависимость уровня рождаемости от степени гендерного равенства. Это может быть связано, во-первых, с тем, что в странах Центральной Азии проживают значительно большее количество мусульман, у которых более высокие репродуктивные установки и, соответственно, выше уровень рождаемости. Во-вторых, при проведении сравнительного анализа используются официальные данные регионального Росстата по СКР, а по ИГН официальных региональных данных не существует.

Таблица 3

**ИНДЕКС ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА (ИГН)
И СУММАРНЫЙ КОЭФФИЦИЕНТ РОЖДАЕМОСТИ
В СТРАНАХ ЗАКАВКАЗЬЯ, ВХОДЯЩИХ В СНГ,
И ГРАНИЧАЩИХ С НИМИ РЕГИОНАХ РОССИИ, 2016 г. [8, с. 109; 11; 23]**

<i>Страна</i>	<i>ИГН</i>	<i>Рейтинг ИГН</i>	<i>ИГН (для экономической сферы)</i>	<i>Рейтинг ИГН (для экономической сферы)</i>	<i>СКР, детей на 1 женщину</i>
РФ / Северо-Кавказский ФО	0,691	75	0,722	41	1,762 / 1,936
Азербайджанская Республика	0,684	86	0,728	38	1,9
Республика Армения	0,669	102	0,669	69	1,64

Со странами Закавказья, входящими в СНГ, в России граничит преимущественно Северо-Кавказский федеральный округ, в котором значения СКР одни из самых высоких по стране. В частности, сравнительный анализ СКР (для Северо-Кавказского федерального округа) и ИГН (со странами Закавказья, входящими в СНГ) выявляет прямую зависимость: более высокому уровню рождаемости соответствует более высокий уровень гендерного равенства в целом по стране (табл. 3).

Для стран СНГ, которые по географическому признаку относятся к странам Восточной Европы, между степенью гендерного равенства в стране и уровнем рождаемости выявляется слабая положительная зависимость⁵ (табл. 4).

5. При проведении сравнения используется региональное значение СКР, по которому имеются официальные данные. ИГН же рассчитывается для всей страны в целом.

**ИНДЕКС ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА (ИГН)
И СУММАРНЫЙ КОЭФФИЦИЕНТ РОЖДАЕМОСТИ
В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ, ВХОДЯЩИХ В СНГ,
И ГРАНИЧАЩИХ С НИМИ РЕГИОНАХ РОССИИ, 2016 г. [8, с. 109; 11; 23]**

<i>Страна</i>	<i>ИГН (значение)</i>	<i>Рей- тинг ИГН</i>	<i>ИГН (для экономи- ческой сферы) (значение)</i>	<i>Рейтинг ИГН (для экономи- ческой сферы)</i>	<i>СКР, детей на 1 женщину</i>
Молдова	0,741	26	0,795	81	1,56
Беларусь	0,737	30	0,823	5	1,48
РФ (Централь- ный ФО / Северо- Западный ФО)	0,691	75	0,722	41	1,762 / 1,595 / 1,67

Таким образом, в странах СНГ, относящихся к Закавказью и Восточной Европе, выявляется либо положительное, либо слабоположительное влияние степени гендерного равенства на уровень рождаемости; в странах СНГ, относящихся к Центральной Азии, – гендерное равенство и уровень рождаемости имеют обратную зависимость.

Подводя итог проведенному исследованию, можно заключить, что в однородных по уровню социально-экономического развития и религиозной принадлежности, как правило развитых странах, более высокому уровню рождаемости соответствует и более высокая степень гендерного равенства. Между группами стран (например, между развивающимися или между развитыми и развивающимися) существует обратная зависимость. В странах с наиболее высокими значениями ИГН наблюдаются более низкие значения СКР и наоборот. Так, направление влияния степени гендерного равенства в стране на уровень рождаемости зависит, во-первых, от уровня социально-экономического развития стран; во-вторых, от религиозной принадлежности основной численности населения.

В мусульманских странах гендерное неравенство крайне велико, женщина не имеет прав ни в экономических, ни в политических сферах, равно как и в семье. Религия отводит женщине роль только в рождении и воспитании детей. В европейских странах гендерная ситуация близка к равноправной, религия так не «давит» на женщину, предоставляя ей возможность выбирать самой – семья и / или карьера.

Соответственно, для повышения уровня рождаемости в современных развитых странах мира необходимо проводить комплекс мер в области достижения гендерного равенства во всех сферах жизни общества. Демографическая, экономическая и гендерная политики должны проводиться строго в тесном взаимодействии между собой.

Библиография

1. Антонов А.И. Социология рождаемости. М.: Статистика, 1980. 272 с.
2. Борисов В.А. Демография и социальная психология. М.: Мысль, 1970. 248 с.
3. Буньковский Д.В. Иностранные инвестиции и экономическая безопасность России // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. № 11. С. 32–33.
4. Буньковский Д.В. Теневая экономика: Анализ развития // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 4 (75). С. 107–116.
5. Мосакова Е.А. Динамика занятости женщин и рождаемости в современных развитых странах мира // Вестник Воронежского государственного университета. 2012. Серия: Экономика и управление. № 2. С. 36–44.
6. Мосакова Е.А. Занятость женщин и рождаемость в современной России // Вестник Московского университета. 2008. Серия 6: Экономика. № 5. С. 75–85.
7. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. М.: НИСП, 2007. Вып. 1. 640 с.
8. Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. М.: Росстат, 2017. 686 с.
9. Сереброва А.М. Террористическая угроза на пространстве ЕАЭС как вызов развитию Евразийской цивилизации // Вестник Московского университета. 2016. Серия 27: Глобалистика и геополитика. № 4. С. 73–77.
10. Султанов Ш. Экономика Таджикистана: Состояние и перспективы развития // Экономист. 2006. № 6. С. 68–77.
11. Суммарный коэффициент рождаемости в странах за 2016 год // Total-rating.ru [Электронный ресурс]. 2016. Ноябрь. URL: <http://total-rating.ru/1841-summaryy-koefficient-rozhdaemosti-v-stranah-za-2016-god.html> (Дата обращения: 25.04.2018.)
12. Тоффлер Э. Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 250–275.
13. Ahn N., Mira P. Anoteonchanging relationship between fertility and female employment rates in developed countries // Journal of Population economics. 2002. N 15. P. 667–682.
14. Anderson G., Scott K. Childbearing dynamics of couples in a universalistic welfare state: The role of labour – market status, country of origin, and gender // Demographic research. 2007 (December). N 17 (30). P. 897–938.
15. Andorka R. Determinantsof Fertility and Advanced Societies. New York: Free Press, 1978. 431 p.
16. Fawcett J.T. Psychological perspectives on population. New York: Basic Books, 1973. P. 451–510.
17. Hoem B. The Compatibility of Employment and Childbearing in Contemporary Sweden // Acta Sociologica. 1993. N 36. P. 101–120.
18. Kharkova T.L., Andreev E.M. Did the economic crisis cause the fertility decline in Russia: Evidence from the 1995 microcensus // European journal population. 2000. N 16. P. 211–233.
19. Kohler H.P., Kohler I. Fertility decline in Russia in the early and mid 1990 s: The role of economic uncertainty and labor market crisis // European Journal population. 2001. N 18. P. 233–262.
20. Lloyd C. The Contribution of the World Fertility Surveys to an Understanding of the Relationship between Women's Work and Fertility // Studies in Family Planning. 1991. N 22 (3). P. 144–161.
21. Myrdal A., Klein Y. Womens Two Roles: Home and Work. London: Routledge, Kegan Paul, 1956. 208 p.
22. Tevenon O. Family policies in developed countries: contrasting models // Population & Societies [Электронный ресурс]. 2008. N 448. URL: https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/19116/pesa448.en.pdf (Дата обращения: 25.04.2018.)

23. World Economic Forum (Official web-site) // The Global Competitiveness Report [Электронный ресурс]. 2016. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGap_Report_2016.pdf (Дата обращения: 25.04.2018.)

References

Ahn N., Mira P. Anoteonchanging relationship between fertility and female employment rates in developed countries // *Journal of Population economics*. 2002. N 15. P. 667–682.

Anderson G., Scott K. Childbearing dynamics of couples in a universalistic welfare state: The role of labour – market status, country of origin, and gender // *Demographic research*. 2007 (December). N 17 (30). P. 897–938.

Andorka R. *Determinantsof Fertility and Advanced Societies*. New York: Free Press, 1978. 431 p.

Antonov A.I. *Sociologiya rozhdaemosti*. Moscow: Statistika, 1980. 272 p.

Borisov V.A. *Demografiya i social'naya psixologiya*. Moscow: My'sl', 1970. 248 p.

Bun'kovskij D.V. Inostranny'e investicii i e'konomicheskaya bezopasnost' Rossii // *Aktual'ny'e problemy' gumanitarny'x i social'no-e'konomicheskix nauk*. 2017. N 11. P. 32–33.

Bun'kovskij D.V. Tenevaya e'konomika: analiz razvitiya // *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. 2015. N 4 (75). P. 107–116.

Fawcett J.T. *Psychological perspectives on population*. New York: Basic Books, 1973. P. 451–510.

Hoem B. The Compatibility of Employment and Childbearing in Contemporary Sweden // *Acta Sociologica*. 1993. N 36. P. 101–120.

Kharkova T.L., Andreev E.M. Did the economic crisis cause the fertility decline in Russia: Evidence from the 1995 microcensus // *European journal population*. 2000. N 16. P. 211–233.

Kohler H.P., Kohler I. Fertility decline in Russia in the early and mid 1990 s: The role of economic uncertainty and labor market crisis // *European Journal population*. 2001. N 18. P. 233–262.

Lloyd S. The Contribution of the World Fertility Surveys to an Understanding of the Relationship between Women's Work and Fertility // *Studies in Family Planning*. 1991. N 22 (3). P. 144–161.

Mosakova E.A. Dinamika zanyatosti zhenshhin i rozhdaemosti v sovremenny'x razvity'x stranax mira // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. Seriya: E'konomika i upravlenie. N 2. P. 36–44.

Mosakova E.A. Zanyatost' zhenshhin i rozhdaemost' v sovremennoj Rossii // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2008. Seriya 6: E'konomika. N 5. P. 75–85.

Myrdal A., Klein U. *Womens Two Roles: Nome and Work*. London: Routledge, Kegan Paul, 1956. 208 p.

Roditeli i deti, muzhchiny' i zhenshhiny' v sem'e i obshhestve. Moscow: NISP, 2007. Vy'p. 1. 640 p.

Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2017: Stat. Sb. M.: Rosstat, 2017. 686 p.

Serebrova A.M. Terroristicheskaya ugroza na prostranstve EAE'S kak vy'zov razvitiyu Evrazijskoj civilizacii // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2016. Seriya 27: Globalistika i geopolitika. N 4. P. 73–77.

Sultanov Sh. E'konomika Tadhikistana: sostoyanie i perspektivy' razvitiya // *E'konomist*. 2006. N 6. P. 68–77.

Summarny'j koe'fficient rozhdaemosti v stranax za 2016 god // *Total-rating.ru* [E'lektronny'j resurs]. 2016. November. URL: <http://total-rating.ru/1841-summarnyy-koefficient-rozhdaemosti-v-stranah-za-2016-god.html> (Data obrashheniya: 25.04.2018.)

**РОЖДАЕМОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА
(НА ПРИМЕРЕ СТРАН СНГ И БРИКС)**

Tevenon O. Family policies in developed countries: contrasting models // Population & Societies [E`lektronny`j resurs]. 2008. N 448. URL: https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/19116/pesa448.en.pdf (Data obrashheniya: 25.04.2018.)

Toffler E`. Budushhee truda // Novaya texnokraticheskaya volna na Zapade. Moscow: Progress, 1986. P. 250–275.

World Economic Forum (Official web-site) // The Global Competitiveness Report [E`lektronny`j resurs]. 2016. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGap_Report_2016.pdf (Data obrashheniya: 25.04.2018.)